

В 1878 году в Петербурге была издана биография Д.П. Ознобишина. Кто был ее автором, долгое время оставалось загадкой. И только в 1940-х годах исследователи вновь обратились к этому факту. Исходя из того, что в 1904 году текст биографии подарил музею при симбирской губернской ученой архивной комиссии А.П. Горизонтов, посчитали, что он и есть биограф поэта. Такой же точки зрения придерживались Т.М. Гольц и В.В. Морозова.

Алексей Петрович Горизонтов действительно был способен написать биографию Д.П. Ознобишина, с которым в 1860-1870-х годах общался на заседаниях симбирского губернского статистического комитета. Но разве мог такой опытный автор, как Горизонтов, "оборвать" биографию событиями 1867 года, и ни единым словом не обмолвиться о дальнейших годах жизни и творчества поэта, не упомянув об обстоятельствах его гибели и о том, где покойся прах.

По мнению краеведа-исследователя Ж.А. Трофимова, автором биографии Д.П. Ознобишина является не А.П. Горизонтов, а сам поэт. Возможно, перед нами – автобиография самого Ознобишина.

От третьего лица

Дмитрий Петрович Ознобишин, сын симбирского помещика, дворянина, которого предки являются в России при великом князе Василье Иоанновиче Темном; некоторые из них были воеводами и жалованы вотчинами за крепкое сидение в Москве во время обложения ее поляками, другие впоследствии сложили голову при царе Алексее Михайловиче, на стенах Смоленских, охраняя от осаждающих поляков башни оной, из которых одна и поныне носит название Ознобишенской. Прадед Ознобишина был при императрице Екатерине II капитаном гвардии, имел множество поместий и несколько тысяч душ, растерянных его потомками. По интригам царедворцев, этот блистающий в высшем кругу Двора капитан был с секретным поручением, для производства следствия о контрабандном ввозе ревеня, отправлен на китайскую границу, где пробыл более трех лет. Забытый Государынею, которая только случайно о нем вспомнила и возвратила его на прежнюю службу, которой однако ж он продолжать уже не мог.

Отец Ознобишина был директором банка в Астрахани, где и женился на гречанке – дочери истребителя турецких кораблей под Чесмою и знаменитого своими благотворениями миллионера коллежского советника Ивана Андреевича Варвация. Первое начальное образование его было вверено французскому эмигранту барону Боде; по смерти же обоих его родителей во время его детства заботы о нравственном его образовании принял вышеозначенный дед его, и по знакомству своему в С.-Петербурге с сенатором И.С. Захаровым хотел по-

местить его в Горный корпус, под заведывание своего родственника, но предложение это не состоялось. Инспектор этого учреждения Е.В. Казадаев, впоследствии сенатор, оставил службу по Горному ведомству и, имея сам семейство, решил включить его в среду оного; здесь он в продолжении пяти лет пользовался лучшими учителями, из числа которых в особенности выдаются К.И. Арсеньев и И.И. Сосницкий, оставившие по себе славное имя, хотя подвизались и на различных поприщах.

По вступлении детей сенатора на службу, из которых один впоследствии был в разных губерниях губернатором, а другой – гвардейской артиллерии генералом.

Ознобишин поступил в Московский университетский благородный пансион, где считался постоянно в числе первых учеников и принимал самое деятельное участие, вместе с С.П. Шевыревым и В.П. Титовым в литературном собрании, основанном еще В.А. Жуковским в бытность его воспитанником того же пансиона. По окончании полного курса науки в названном заведении, где, сидя на школьной скамье, Ознобишин обратил на себя внимание славящегося в свое время издателя "Вестника Европы" М.Т. Каченовского и профессора философии И.И. Давыдова, впоследствии сенатора, своею стихотворною темою "Старец", напечатанной в 1820 годах в этом московском журнале.

Ознобишин поступил на службу в Московский почтамт, где, состоя при почтдиректоре знаменитом лингвисте И.А. Рутковском, занимался цензурой французских газет. Неудовлет-

воренный этою службою, Ознобишин вскоре вышел в отставку и потом, по предложению Карсунского уездного предводителя дворянства А.И. Бекедова, принял на себя звание почетного смотрителя уездного училища, а через четыре года, на губернских дворянских выборах, большинством двух третей голосов, удостоен звания почетного попечителя Симбирской гимназии, каковую службу нес почти два трехлетия. В это время, пользуясь полною свободою по службе, он предавался литературным занятиям, с тою страстью, к которой способна только молодость, с поэтически-настроенным воображением.

Первые его стихотворные пьески, имевшие успех и ходившие по рукам в рукописях, были переводы из Парни, досель неизвестные в печати, но сохранившиеся у немногих из его знакомых, были две нижеследующие, которые мы вносим здесь на память: "Свидание" и "Другой день".

Свидание

*Только час полуночи
Тихо прозвучит,
И ревнивец очи
Сон обременит, -
Тенью незаметной
В уголок приветный
Я прокрадусь твой.
Ты откроешь взоры,
Темные от сна,
Улыбнешься страстно,
И рукой атласной
Обовьешь меня.
Миг очарованья!
Я твое дыханье
Жадно буду пить;*

Но мой друг стыдливый
Сбрось покров ревнивый,
Чтоб милее быть;
В тайное свиданье,
В тишине ночной,
Будь всегда со мной
В легком одеянии
Грации молодой.

На другой день

О милый друг, ты наконец узнала
Привет любви, прелестный и живой;
Его боялась ты и пламенно желала,
Им, наслаждаясь, трепетала. —
Скажи-ж, что страшное
влечет он за собой?

Приятное в душе воспоминанье,
Минутный вздох и новое желанье,
И новость страсти молодой!
Уже свой роза цвет сливает
Своею бледностью

лилейною ланит,
В очах суровость исчезает
И нега дивная горит...
Смелее дышит грудь

под легкой пеленою,
Накрытой матери рукой,
Любовь придет своей чредою,
И лаской резвой и живою
Расстроит вновь убор
вечернею порой!

Тебе веселость изменила,
Прошла беспечность прежних дней,
И томность нежная

их место заступила;

Но ты прелестней и милей!
Ты пылкую любовь
и робкой неги сладость;
Узнала пламенной душой
И резвую сдружила младость
С своей задумчивой мечтой.

Считаем не лишним присовокупить еще, для полноты биографии поэта, что им напечатано было в малом числе экземпляров, без означения имени, переводы из греческой антологии под названием "Гинекион" вместе с греческим текстом оных.

В последние годы своей службы при Московском почтдиректоре Ознобишин возымел намерение, при содействии дяди своего сенатора гр. Апол. Хомутова, отца атамана казацких войск, участвовать в посольстве А.С. Грибоедова в Персию, для этого он два года занимался под руководством ученого муллы арабским и персидским языками и слушал лекции арабского языка у московского профессора Болдырева; к этому времени относятся его неудачные переводы из Гафиза и Саади, из которых некоторые были напечатаны под псевдонимом Делибюрадера.

К этой же эпохе должны быть при-

числены и переводы его некоторые из "Макамат, или Бесед Гарири", из которых напечатана только одна "Золотая монета", а прочие остались в рукописях, равно как и переведенная им с английского языка "Персидская грамматика" Лумедена и "Краткий персидский словарь" того же лингвиста.

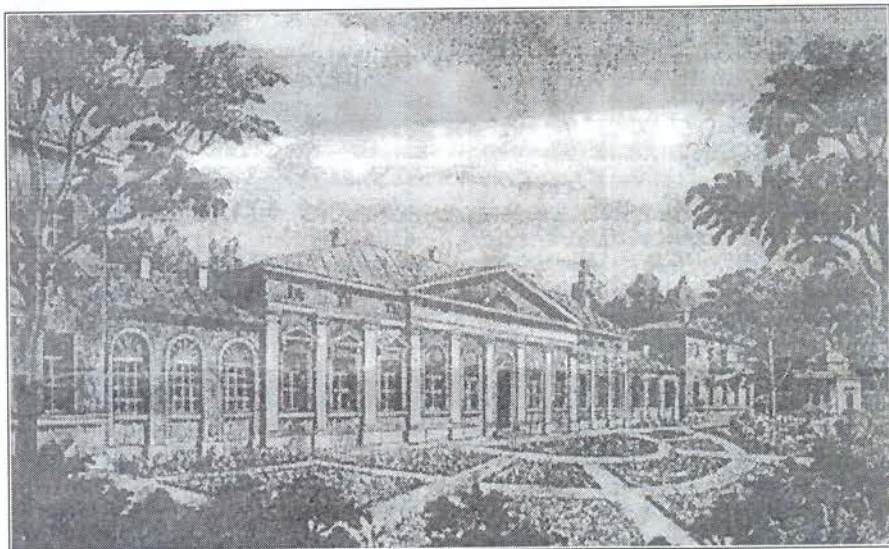
Московский почтдиректор удержал его от участия в этом Грибоедовском посольстве, где бы он неминуемо погиб при неожиданной и плачевной катастрофе, постигшей все посольство.

Перевод о древних обитателях России Ибн-Фадлана, сделанный Ознобишиным, напечатанный в журнале, издаваемом в Москве Калайдановичем, доставил ему звание члена Датского королевского Общества Северных Антиквариев; в это же время избран он был и в члены Московского общества любителей российской словесности и такового же Казанского, ныне уже несуществующего. Некоторые из стихотворений Ознобишина появились в "Урании" и "Северных цветах", двух альманахах Московском и Санкт-Петербургском, на 1826-й год.

Почти всю свою молодость Ознобишин провел в переездах из одного места в другое; объехал почти всю Европейскую Россию и дважды был за границу, вместе с единственным сыном своим Иваном; посетил Англию, Францию, дважды был в Париже, - Италию, прожил несколько недель в Швейцарии и более полугода в Ницце, отколы, вынужденный по морю возвратиться на родину по случаю бывших на материке Европы революций, был на острове Мальта, и в Константинополе; из сего последнего прибыл в Одессу в самый разгар холеры и должен был при возврате на

родину в Симбирскую губернию прорезать всю часть России, пораженную этим бедствием; это видно отчасти из самых заглавий его стихотворений, но об иностранных землях в них не упоминается, так как с этого времени он совершенно перестал печатать произведения своей кочевой Музы, вовсе однако же не покидая ее. Но оставлял произведения свои в своем портфеле и посвящал все свободное время изучению литературы немецкой и английской, последствием чего были в позднейшее уже время явившиеся в печати его переводы с немецкого языка "Акселя" Исаия Тегнера, а с английского — "Сизиф", Милетская сказка Литтон-Бульвера, и досель не напечатанное "Святыло-Гарема" Томаса Мура, составляющее четвертую и последнюю повесть из знаменитого поэтического восточного романа его "Лала-рук", откуда В.А. Жуковский передал в стихах: Пери и Ангел.

Много статей было напечатано Ознобишиным в прозе, так, например, "Смоленская святыня" в "Памятной книжке Смоленской губернии", с заглавным стихотворением и виньеткою, под коими он подписал свою фамилию; другие и довольно обширные статьи, как-то литературный рассказ о пребывании в г. Симбирске блаженной памяти Государя Цесаревича Николая Александровича и еще некоторые были напечатаны под псевдонимом Борисова в "Симбирских губернских ведомостях" разных годов отдельными оттисками, в большом количестве, ходили по рукам по всей Симбирской губернии, которой губернский город был воспет им в особой детской сказке под именем "Городок", напечатанной в журнале, издаваемом Богушевичем.

Дом Ознобишиных в селе Троицкое. Гравюра Белобородова